

Формы забвения¹

¹ *Assmann A.* Formen des Vergessens. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Германии сформировалась мемориальная культура, связанная с убеждением, что забвение не может освободить немцев от исторического бремени Холокоста. Поэтому память занимает в нашей культуре центральное место, где она все чаще ассоциируется с этическим долгом. Против этого распространенного мнения протестует Ян Филипп Реemtсма: «Обязанность помнить, императивная семантика памяти... Но в чем состоит императив воспроизводства памяти? Памятование и забвение — свойства человеческой памяти, как таковые они не хороши и не плохи; обе эти способности лишь помогают справиться с жизненными обстоятельствами»¹. Памятование и забвение сами по себе не хороши и не плохи, тут с Реemtсмой нельзя не согласиться. Однако забвение представляет собой нечто большее, нежели дефицитарный модус памятования. Оно значит гораздо больше, нежели очевидная слабость памяти и ее эпизодические провалы. Поэтому для того, чтобы составить себе представление о разнообразных формах и функциях забвения, необходимо задаться вопросами о психологических, социальных и политических условиях, в рамках которых люди помнят или забывают, а также об эмоциях, которые при этом мобилизуются или заглушаются.

СКРЕЩЕНИЕ ПАМЯТОВАНИЯ И ЗАБВЕНИЯ

Мы способны мыслить только посредством нашего языка, поэтому всегда располагаем лишь теми категориями и взаимосвязями значений, которые заданы словами нашего языка.

¹ *Reemtsma J. Ph. Wozu Gedenkstätten? // Politik und Zeitgeschichte. 2010. № 3 (25/26).*

Слово «забвение» обычно находится в четкой оппозиции к слову «памятование». Забвение является в этой паре антиподом и противоположностью по отношению к забвению, одно исключает другое. Противоположность забвения и памятования имеет определяющее значение для нашего мышления. Оба понятия тяготеют к порождению дальнейших оппозиций:

забвение — памятование
плохо — хорошо
просто — трудно
даром — дорого
быстро — медленно
бессознательно — осознанно

Подобная парадигма, встроенная в сам язык, объясняет, почему памятованию исследователи уделяют гораздо больше внимания и отдают больше усилий. Но не забыли ли мы, занимаясь развитием мемориальной культуры, изучением индивидуальной и коллективной памяти, о самом забвении?¹

Отнюдь, забвение давно вернуло к себе внимание исследователей. Большой интерес вызвала статья Пола Коннертона «Семь форм забвения», открывшая в 2008 году первый номер журнала «Memory Studies». Энн Уайтхед говорила в 2009 году о дискурсивном повороте в мемориальных исследованиях от памятования к забвению: «Это звучит парадоксом, однако забвение является важным, существенным элементом в дальнейшем развитии мемориальных исследований»².

Одновременно мы отказались от представления, будто памятование и забвение являют собой идеально-типическую

¹ Krämer S. Das Vergessen nicht vergessen! Oder: Ist das Vergessen ein defizienter Modus von Erinnerung? // Fischer-Lichte E., Lehnert G. (Hg.) Inszenierungen des Erinnerns. Berlin, 2000. Bd. 9. H. 2. S. 251–275.

² Whitehead A. Memory. Critical Idiom Series. London, 2009. P. 154.

противоположность. Изучение забвения приходит к выводу о скрещении обоих понятий. Впрочем, подобный взгляд далеко не нов.

Существует барочная эмблема, наглядно демонстрирующая неразрывную взаимосвязь памятования и забвения¹. Эмблема изображает открытую книгу, лежащую на облаке, что может удивить современного человека, рассматривающего эмблему, ибо она как бы предвосхищает одно из новейших средств электронного хранения информации (облачные ресурсы). Из облака идет дождь, который символизирует распространение знаний, содержащихся в книге. Однако лишь малая часть драгоценных капель попадает в узкогорлый сосуд, подставленный под книгу. Содержание книги нисходит с ее страниц, однако его рассеивание ведет к бесцельной растрате. Целью является память, которую символизирует узкогорлый сосуд. Изображение делает наглядными динамику и диалектику, которые свойственны памяти, где всегда не хватает места, чем и объясняется неразрывная взаимосвязь памятования и забвения. Суть эмблемы заключена в развернутой ленте: «*Pertit Pars Maxima*» («Наибольшая часть утрачивается»).

Эмблема, состоящая из изображения и надписи, иллюстрирует один из постулатов мнемотехники — науки, которая изучала возможности человеческой памяти и была вновь открыта в эпоху Ренессанса. Мнемотехника разрабатывала все новые и новые приемы, с помощью которых увеличиваются способность запоминания и сила памяти. Таким образом, эмблема содержит не только пессимистический диагноз относительно узких рамок человеческой памяти, но и обещание их расширить. Человек, прошедший обучение у виртуозов мнемотехники, сумеет расширить горлышко сосуда собственной памяти и упорядочить надежно сохраняемое содержимое, чтобы

¹ *Henkel A., Schöne A. (Hg.) Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts. Stuttgart, 1967. S. 1387.*

можно было легко отыскать и извлечь необходимое. Эмблема исполняла роль рекламного объявления, с помощью которого учителя мнемотехники превозносили в раннее Новое время свое искусство, дабы привлечь клиентов. Приписка предостерегает: «Все прочитанное и заученное наизусть мигом забывается, стоит лишь отвернуть голову от книги», если только не научиться у нас тому, как укрепить «мускулы памяти» с помощью систематических тренировок.

Несмотря на провидческое сочетание книги и облака, сама эмблема создана в то время, когда индивидуальная память, будучи тесно связанной с культурной памятью, имела другую значимость. Поэтому было так важно тренировать память. При этом тогда еще не считалось, что память можно использовать лишь функционально, в качестве подсобного инструмента, например чтобы сдать экзамен, а потом напрочь забыть сданный предмет. Зубрить, чтобы сразу забыть, — такое отношение к памяти совершенно противоположно признанию ее огромной ценности, которым она пользовалась от Античности до Нового времени и которое сконцентрировалось в изречении, цитируемом даже Кантом: «*Tantum scinus, quantum memoria tenemus*» («Мы знаем лишь столько, сколько храним в памяти»)¹. Согласно этой традиции, память следовало наполнить солидным запасом сведений, авторитетных суждений и большим набором цитат. Но уже Монтень ставил под сомнение подобную традицию классической риторики, отдавая предпочтение свободной игре разума. Монтень не верил рекламным увещаниям мнемотехников и поэтому стал первым адвокатом забвения. Со времен Просвещения разум и память расстыковались и начали развиваться в разных направлениях.

Независимо от принадлежности к своей традиции и от своего культурно-исторического контекста эмблема дает

¹ *Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht* (1797). Ausgabe der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1902. Vol. VII. S. 184.

нам представление о динамике памяти, динамике, в которой забвение и памятование тесно взаимосвязаны. То, что мы обычно считаем полярно противоположным, оказывается — из-за нехватки места и обусловленных этой нехваткой императивов памяти — сложным переплетением двух начал. Памятование столь тесно сопряжено с забвением потому, что они вместе определяют ритмы нашего сознания. То, что мы вспоминаем, должно было на время уйти с горизонта нашего сознания. Воспоминание не является прямым извлечением из памяти некоего знания (к чему стремились мнемотехники), а скорее напоминает «повторение» или «опознание» чего-то спустя некоторое время. Воспоминания приобретают весомость и значимость за счет преодоления временного интервала или некой фазы отсутствующего сознания: воспоминание возвращает нашему восприятию то, что ненадолго или на продолжительный срок не было предметом нашего внимания, знания или активного переживания. Высказывание американского писателя Амброза Бирса характеризует воспоминание и забвение как различные состояния нашего сознания: «Нечто прежде не осознаваемое вызывается памятью с некоторыми дополнениями»¹. В этом отношении примечательна мысль Фридриха Георга Юнгера, одного из первых исследователей забвения. Он предложил различать два вида забвения; один из них сопряжен с утратой, другой — с сохранением: «Забвение, которое сохраняет мысль и позволяет вернуть ее для размышлений, можно назвать неосознаваемым сохраняющим забвением»². Сохраняющее забвение — это латентная память.

¹ Bierce A. Das Wörterbuch des Teufels. Frankfurt a. M., 1980. S. 26.

² Jünger F. G. Gedächtnis und Erinnerung. Frankfurt a. M., 1957. S. 16–17. О понятии «латентного» см.: Gumbrecht H. U., Klinger F. (Hg.) Latenz. Blinde Passagiere in den Geisteswissenschaften. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. (А также: Гумбрехт Х. У. После 1945. Латентность как источник настоящего. М., 2018. — Примеч. ред.)

Исходя из сказанного, нельзя представлять себе памятование и забвение лишь в качестве противоположностей, но нельзя и отождествлять их. Часто приходится слышать, что рутинные ритуалы повторения лишь потворствуют забвению. При малейших признаках рутинности, тривиальности или коммерциализации памятование осуждается как разновидность забвения. С особой осторожностью следует относиться к двум явлениям, известным в качестве невропатологий: абсолютной памяти и абсолютному беспамятству. Об опасности этих крайностей свидетельствуют как заключения медиков, так и фантастические истории, запечатленные в литературных произведениях и художественных фильмах. Полное стирание памяти происходит в случае болезни Альцгеймера; об обратном явлении — «total recall» — повествуют фильм с Арнольдом Шварценеггером в главной роли («Вспомнить все») и рассказ Борхеса «Фюнес, чудо памяти»¹.

Память с ее различными видами скрещивания памятования и забвения колеблется между двумя крайностями: «все сохранить» и «все стереть». В промежуточных состояниях память открывает различные пространства для того, к чему она позднее возвратится вновь. Такие пространства можно представить себе в виде магазина с витриной, торговым залом и складом. И в памяти некоторые вещи оказываются более или менее доступными, наличными и готовыми к извлечению. Кое-что можно заметить на витрине, гораздо больше выставлено в торговом зале, еще больше убрано до поры до времени на склад, чтобы по запросу быть извлеченным оттуда. Эта наглядная пространственная метафора приводится лишь

¹ *Lachmann R.* Die Unlösbarkeit der Zeichen: Das semiotische Unglück des Mnemonisten // Haverkamp A., Lachmann R. (Hg.), *Gedächtniskunst. Raum — Bild — Schrift. Studien zur Mnemotechnik.* Frankfurt a. M., 1991. S. 111–145; *Borges J. L.* Die Bibliothek von Babel und Das unerbittliche Gedächtnis (*Funes el memorioso*) / Friedl Zapatero J. A. (Hg.) Stuttgart, 2008; *Kis D.* Die Enzyklopädie der Toten. München, 1986.

для того, чтобы лучше понять сложность понятия забвения и подчеркнуть существование различных градаций забвения. Одно бывает легкодоступным, поскольку имеет четкий адрес в хорошо организованной системе синапсов, другое нужно искать дольше или же просто ждать, пока оно само не объявится вновь; а многое оказывается утраченным навсегда. Интересно и парадоксально, что память одновременно служит своего рода монитором, позволяющим синхронно наблюдать и изучать процессы забвения. Святой Августин различал между частичным забвением, которое может быть замечено самим наблюдателем, и полным забвением, которое уже не позволяет вернуть из памяти забытое: «Забыли мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утерянного, если бы совершенно о нем забыли»¹.

Память свободно управляет как воспоминанием, так и забвением, что включает в себя даже восприятие трудно-контролируемых движений между осознанием и неосознанностью. Вместо того чтобы считать памятование и забвение абсолютно противоположными или даже делать выбор в пользу одной из этих противоположностей, целесообразнее изучить промежуточное пространство между ними, а также формы их скрещения и пересечения. Подобный анализ сможет выявить дифференциацию градаций, оттенков, скользящих переходов между передним планом осознанного и задним планом неосознанного или бессознательного. Далее будет сделана попытка продемонстрировать динамику воспоминания и забвения в культурной памяти с ее различными институтами и фазами, а также с учетом действия как центростремительных сил сохранения и консервации, так и центробежных сил рассеивания и разрушения. При этом будут рассмотрены три разных уровня и вида взаимосвязей.

¹ *Augustin (Augustinus)*. Bekenntnisse. Buch 10. Frankfurt a. M., 1987. S. 533. На русском см.: *Аврелий Августин (Блаженный)*. Исповедь. М., 2007.

Во-первых, памятование и забвение происходят как в активном, так и в пассивном варианте, причем следует подчеркнуть, что архив с необходимостью активен по отношению к функции консервации, однако скорее пассивен по отношению к иерархии, действующей в культурной памяти. Во-вторых, приведенная схема указывает на разделение функций и взаимодействие различных институций. Музеи и библиотеки, гуманитарные науки (филология, искусствознание, археология) работают как в сфере канона, так и в сфере архива. Схема отражает подвижность культурных объектов в поле напряжения между памятованием и забвением. Жизнедеятельность культурных объектов осуществляется между каноном, архивом и децентрализованными хранилищами. То, что попало в архив, может при переоценке или переосмыслении вернуться в канон, а артефакты, сохранившиеся под землей, могут быть возвращены в музеи археологами или палеоисториками. Пассивное забвение не окончательно; обнаруженные реликты могут опять попасть в хранилища или выставочные залы. Но это лишь отчасти справедливо для активного забвения. Того, что насильственно разрушено или сознательно уничтожено, уже не вернуть. Здесь остается лишь возможность рассказать или создать копию, чтобы вспомнить утрачу и предотвратить полное забвение. Но предлагаемая схема не должна вводить в заблуждение, ибо и на нее распространяется смысл изречения: «Наибольшая часть утрачивается» (и это хорошо).

Динамика культурной памяти

Памятование		Забвение	
<i>Центростремительные силы</i>		<i>Центробежные силы</i>	
Почитание	Собирание	Рассеивание	Разрушение
<i>Активное</i>	<i>Пассивное</i>	<i>Активное</i>	<i>Пассивное</i>
Канон	Архив	Старение	Исчезновение
Священные и классические тексты	Исторические источники	Материальные следы	Время/снос/ мусор
Отбор	Собирание	(Пре)небрежение	Отрицание/ устранение
Формирование традиции	Хранилище	Устаревание	Распад, утилизация
Формирование идентичности	Историческое сознание	Реликты	Вандализм
Живое участие	Упреждающее сбережение	Латентность в децентра- лизованных хранилищах	Потеря, пробел
<i>Культурные институции:</i>			
<i>Музей</i> <i>Библиотека</i>	<i>Историография</i>	<i>Археология</i>	<i>Время, цензура, насилие, мусор</i>

ТЕХНИКИ ЗАБВЕНИЯ

«Забвение» — это собирательное понятие, за которым стоят очень разные действия, методы и стратегии. Целесообразно дать наименования различным техникам, посредством которых совершается практический или символический акт забвения. Предлагаемый перечень не следует считать исчерпывающим.

Стирание

Радикальной техникой забвения является стирание оставленного следа. Это относится как к текстам или сообщениям, так и к материальным реликтам. Стертый след прекращает присутствие человека или события в памяти современников и потомков так же, как делает невозможным раскрытие преступления. Поэтому стирание служит наиболее радикальной формой окончательного разрыва связи между настоящим и будущим.

Прикрытие

Авишай Маргалит проводит различие между «стиранием» (blotting out) и «прикрытием» (covering up)¹. Если при стирании акт забвения становится абсолютным и необратимым, то прикрытие лишь удаляет проблему или инкриминируемое событие из сферы коммуникации. Каждый еще знает, что имеется в виду, это никем не забыто, однако утратило тот эмоциональный накал, который вновь и вновь разжигал конфликт между социальными группами, затрудняя их сосуществование.

Сокрытие

Зигмунд Фрейд считал тягу к сокрытию движущей силой забвения. Он называл ее вытеснением, объясняя вытеснение потребностью избавиться от чувства вины за проступок или постыдное деяние. Но сокрытие не решает проблему, а лишь усугубляет ее психологическую значимость. В истории культуры сокрытие играет иную роль. Ценные артефакты — например, предметы, опускавшиеся в древнеегипетские захоронения вместе с покойником, — тщательно прятались, а в результате позднее они доставались грабителям или, еще позднее, археологам. В каирской

¹ *Margalit A. The Ethics of Memory. Cambridge, Mass., 2002. P. 208.*

синагоге Бен Эзра существует «гениза» («схрон», «тайник»), где собраны литургические тексты, которые перестали использоваться в ритуальных целях. Наряду со свитками Торы здесь хранится и большое количество светских текстов на древнееврейском и арабском языках, дошедших до нас из глубины веков в качестве важных свидетельств истории еврейского народа.

Умолчание

Как в случае с прикрытием, умолчание не стирает из памяти тягостное событие, а лишь устраняет его из коммуникации. Прикрытие посредством умолчания носит конвенциональный характер и позволяет членам социального коллектива продолжить совместное существование, с уважением относиться друг к другу, то есть речь идет об акте нормализации социальных отношений. Однако помимо такой конвенции умолчание консервирует запретами (табу) социопсихологические травмы, что обуславливает возникновение бессознательных и неконтролируемых форм традирования. Тогда замалчиваемое приобретает устойчиво латентную форму¹.

Переписывание (палимпсест)

Переписывание (палимпсест) — это универсальная операция забвения, совершаемая сознательно или бессознательно на самом разном материале. Даже бездействие запускает процесс переписывания, когда, например, природа возвращает себе власть над местами исторических событий, будь то культовые сооружения, поля сражений и кладбища, или когда в городе происходит новая застройка поверх исторических слоев. Более

¹ По поводу понятия «латентное» ср.: «Латентное — это не будущее и не минувшее прошлое, это — актуальное „не-настоящее“ (Ungegenwärtigkeit)» (*Khurana Th. Latenzzeit. Unvordenkliche Nachwirkung: Anmerkungen zur Zeitlichkeit der Latenz // Diekmann St., Khurana Th. (Hg.) Latenz. 40 Annäherungen an einen Begriff. Berlin, 2007. S. 143*).

целенаправленно переписывание осуществляется при перестройке архитектурных сооружений или при приспособлении их под другие функции, как это случилось с синагогой в Черновцах, которую переделали под кинотеатр. На палимпсесте, рукописном пергаменте, первоначальный текст соскабливался, вместо него наносились новые письма, но следы прежнего текста оставались и позволяли прочесть его; так и в исторических слоях сохраняются следы символических переписываний, позволяющие разглядеть первоначальную структуру. Примером могут служить христианские церкви, построенные на месте античных храмов, или церковные праздники, которые являются своего рода «палимпсестом» языческих торжеств. Палимпсест играет важную роль в политической архитектуре, о чем свидетельствует пример берлинского Городского дворца, который после войны был взорван по решению властей ГДР, чтобы уступить место Дворцу Республики, но через шестьдесят лет тот сам стал жертвой реконструкции Городского дворца. В этом случае исторические слои уничтожались, однако память о них не стиралась в истории этого места в центре Берлина.

Игнорирование

Игнорирование исключает человека или предмет из поля внимания других людей; его перестают замечать и уважать. Игнорируемый человек или предмет пребывает в тени, он словно незрим; как поется в балладе Брехта о Мэкки-Ноже, если процитировать ее в вольном переводе, «видны только те, кто на свету, а тех, кто во тьме, не видно» («Und man sieht nur die im Lichte, Die im Dunkeln sieht man nicht»). В повседневной жизни внимание к игнорируемому человеку может быть немедленно возвращено, он даже может внезапно оказаться в центре всеобщего интереса. Внимание окружающих способно переключиться в любой момент, скажем, на памятник, который долгое время оставался в тени и был как бы

незаметен из-за привычки всегда видеть его на своем месте, пока неожиданно снова не вызвал к себе всеобщего интереса. Если же игнорирование закреплено структурами культурного ранжирования ценностей и это ранжирование постоянно воспроизводится и традируется соответствующими институтами, то необходима переоценка ценностей, чтобы вернуть общественное признание, чтобы структурная амнезия исчезла, чтобы артефакт опять вошел в культурную память общества. Особенно это касается женщин-художниц. Никто не помнил имен замечательных импрессионисток Берты Моризо, Мэри Кассат, Евы Гонсалес и Мари Бракемон, пока их полотна не были показаны в 2008 году на выставке во франкфуртском музее Ширн, вызвавшей у публики большой интерес.

Нейтрализация

Понижение значимости определенного события или культурной практики осуществляется посредством когнитивных актов маргинализации, музеализации и историзации. Для этого должны существенно измениться интерпретативные и ценностные рамки, чтобы в обществе победили новые взгляды. Так, в разгоревшемся в 1986 году споре немецких историков речь шла о недопустимой историзации Холокоста, что было бы сродни его забвению. Нейтрализующее понижение значимости сопряжено с резким сдвигом в градации важности события или личности. Это ведет к тому, что канонизированные личности или события, которые оказали влияние на целое поколение и играли для него судьбоносную роль, воплощая собой священные символы и жизненно важные ценности, внезапно теряют свою фундаментальную значимость для общества и перемещаются из центра культурной памяти на ее периферию. Так, канонизированная фигура Ленина утратила после 1990 года свою власть над людьми в посткоммунистических странах.

Отрицание

Отрицание является противоположностью нейтрализации. Оно упорно сохраняет определенную личность или событие в памяти социальной группы, хотя и в негативном качестве. Отрицание требует постоянных деклараций и значительных усилий. Турецкие власти в той же мере не способны забыть о геноциде армян, как отрицатели Холокоста — о Холокосте, поскольку им непрерывно приходится защищать собственную позицию от оппонентов. Один из них, фармацевт Жан-Клод Прессак, долго искал доказательства для своего отрицания Холокоста, а в результате стал первым исследователем, который, изучив систему газовых камер и крематориев, подтвердил их существование.

Утрата

С точки зрения индивидуума забвение воспринимается прежде всего как утрата. Знания или вещи, которые еще недавно были под рукой, являясь важной частью памяти и собственной жизни, неожиданно или постепенно оказываются утраченными. Психолог Даниэль Шахтер связывает это чувство утраты с «мимолетностью» (*transience*) того, что хранится в памяти. Узелок на носовом платке является отчаянной попыткой противостоять этой инерции забвения. Здесь мы вновь возвращаемся к мнемотехнике, для которой, однако, действуют иные правила, нежели для памяти.

ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ И РАБОТЫ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Как время наносит урон материальным предметам, так забвение снашивает хранящиеся в памяти знания, умаляет их и наконец вовсе сводит на нет. Мы не ощущаем время: мы можем измерить его, но не способны его наблюдать. Поэтому изучение забвения сталкивается с методической проблемой: как

превратить эту отрицательную энергию в нечто измеримое; как описать ее, ускользающую от нашего внимания и сознания? Но к проблеме забвения возможны определенные подходы. Пока забвение не стало окончательным и сосуществует с памятованием, в памяти можно обнаружить следы забвения, уловить процессы и понять стратегии. К забвению в качестве процесса лучше подходить с двух сторон: воспользоваться возможностью наблюдать, как нечто погружается в забвение или же возвращается из него. Такие переходы исторически значимы, они воспринимаются с болью или радостью, поскольку этим затрагивается наше отношение к прошлому, к нашим знаниям, к окружающим нас людям, которое приходится пересматривать.

Индивидуальное и коллективное сознание функционирует по принципу контурного карандаша; оно вычерчивает контуры наших представлений о самих себе и формирует биографии. Поэтому, как писал Эрнест Ренан, то, что мы вместе забываем или хотим забыть, служит основой национальной идентичности¹. В моей книге реконструируются социальные, культурные и политические контексты происходящего забвения. Я начинаю с обзора семи форм забвения. Обзор высвечивает широкий спектр мотивов, сопутствующих обстоятельств и процессов, благодаря которым нечто погружается в забвение или же возвращается из него. В зависимости от сопутствующих обстоятельств забвение приобретает негативный или позитивный характер. Оно может восприниматься как вред и потеря, бедствие или благо, что определяется контекстом, в котором мы имеем дело с забвением. Оно становится бедствием, если забвение наносит ущерб или уничтожает что-то ценное и важное, но оказывается благом, если забвение помогает упростить сложности, ограждает от темных сторон жизни. Забвение отсылает нас к эмблеме с узкогорлым сосудом. Оно

¹ Renan E. Was ist eine Nation? (доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882) // Was ist eine Nation? und andere politische Schriften. Wien, 1995. S. 3.

отсеивает и убавляет, но этим делает гораздо более ценным и значимым то, что сохраняется в остатке.

При изучении динамики памятования и забвения в социальных и политических контекстах я имела возможность опираться на важные работы моих предшественников. К их числу относятся этнопсихологические исследования Марио Эрдхайма и психоисторические работы Лиотара, в которых рассматривается общественное и культурное производство бессознательного¹. В 1988 году Умберто Эко предложил в своем эссе остроумный подход к проблеме забвения с другой стороны². Он задался вопросом, не может ли параллельно с искусством мнемотехники существовать нечто похожее на искусство забвения. Едва поставив этот вопрос, он тут же сам ответил на него. Нет, подобный проект немыслим, ибо здесь имеет место перформативное противоречие. По мнению Эко, то, что привлекает к себе повышенное внимание, не может одновременно исчезнуть из нашего сознания. Однако Харальда Вайнриха это эссе не остановило, и спустя десятилетие он написал замечательную книгу под названием «Лета». Ее подзаголовок «Искусство и критика забвения» перекликался с эссе Умберто Эко. Высокая эрудиция позволила Вайнриху собрать литературные тексты разных столетий, посвященные размышлениям о забвении. При этом автор сумел показать, что по данной теме существует не только богатый исторический дискурс, но и сложившиеся культурные практики забвения³.

На рубеже тысячелетий наметились два интересных подхода к типологии забвения. Один принадлежит гарвардскому психологу Даниэлю Шактеру, другой — антропологу Полу Коннертону. Любопытно, что оба автора независимо друг от

¹ *Erdheim M.* Die gesellschaftliche Produktion von Unbewußtheit — Eine Einführung in den ethno psychoanalytischen Prozess. Frankfurt a. M., 1984; *Lyotard F.* Heidegger und Die Juden / Engelmann P. (Hg.) Wien, 2005.

² *Eco U.* An Ars oblivionalis? Forget it! // PMLA. 1988. № 3 (103). P. 254–261.

³ *Lethe H. W.* Kunst und Kritik des Vergessens. München, 1998.

друга избрали для публикации своих результатов сходную форму. Их книги называются «Семь грехов памяти» (2001) и «Семь видов забвения» (2008)¹. Мнемотехника учит, что хорошо запоминаются семь предметов или ключевых слов. Мы охотно пользуемся приемами мнемотехники и тогда, когда речь идет о забвении. Поэтому далее я сохраню сакральное число семь, чтобы охарактеризовать разные формы забвения. При этом я пересматриваю или расширяю представления о существующих категориях в надежде, что мои размышления не только помогут создать еще одну таксономию забвения, но и прояснят структурные взаимосвязи и напряжения между этими формами.

¹ *Schacter D. L.* Seven Sins of Memory. How the Mind Forgets and Remembers. Boston, 2001; *Connerton P.* Seven Types of Forgetting // *Memory Studies*. 2008. № 1. P. 59–71.

СЕМЬ ФОРМ ЗАБВЕНИЯ

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ЗАБВЕНИЕ: МАТЕРИАЛЬНОЕ, БИОЛОГИЧЕСКОЕ, ТЕХНИЧЕСКОЕ

Начну с фундаментальной асимметрии: не памятование, а забвение служит основным модусом жизни человека и общества. Памятование, являясь отрицанием забвения, означает, как правило, определенное усилие, сопротивление, протест против естественного течения времени и хода вещей. Подобно тому как в живом организме обновляются клетки, в обществе периодически заменяются объекты, идеи и индивидуумы. Эта трансформация кажется обыденной, естественной, а потому не вызывает особой тревоги. Следовательно, не памятование, а забвение воспринимается в качестве нормы для культуры и общества. Забвение происходит незаметно и повсеместно, а вот памятование является невероятным исключением, требующим особых предпосылок.

Приведу обычный пример забвения, которое для столкнувшегося с ним человека зачастую воспринимается как глубокое и болезненное переживание. В начале января 2010 года я получила электронное письмо: «К сожалению, после Рождества нам с Паулем пришлось оставить детей одних, так как 23 декабря скончался мой крестный отец, последний родственник из старшего поколения. Он жил один в большом доме своих родителей, куда уже десятилетиями никого не пускал, если не считать моих визитов один-два раза за год; на двух этажах он проводил химические эксперименты, а еще хранил все, буквально ВСЕ письма и прочие вещи (письма от родных, эмигрировавших в XIX веке, от братьев и сестер, погибших

в годы Второй мировой войны, противогазы времен Первой мировой войны, рекламные издания, настоящие прорезиненные плащи фирмы „Клеппер“; подвалы были заполнены банками с вареньями и соленьями, заготовленными десятки лет назад...). Чтобы хоть как-нибудь пробираться через комнаты, где до потолка громоздились завалы писем, книг и журналов, нам с Паулем пришлось забить ими огромный контейнер. Тем не менее оказалось совершенно невозможно найти такие важные документы, как семейная книжка¹. Наибольшая часть того, что составляет семейную память (даже боюсь сказать тебе это), лежит теперь в том самом контейнере. Меня преследуют сны о нем».

От всего того, что человек узнает или производит, от всей его прожитой жизни остается и передается дальше лишь самая малая доля. Фотография, брошка, предмет обстановки, семейный анекдот — вот и все (причем в лучшем случае), что доходит до внуков и правнуков из насыщенной событиями жизни предков. В семьях, дома которых были разбомблены, которым приходилось бежать, эмигрировать или совершать частые переезды, сохраняется мало реликтов прошлого. Но и те реликты прежней жизни, которые еще способны уцелеть в подвалах или на чердаках, будут рано или поздно отправлены в такой же контейнер. Избавление от наследия прошлого, происходящее при перестройке или сносе дома, может переживаться отдельным человеком болезненно и драматично, но с точки зрения общества, вообще не замечающего повседневных бытовых событий, все происходит незаметно и автоматически.

В этом тихом забвении взаимодействуют два фактора: социальное забвение и удаление материальных реликтов. *Социальное забвение*, подчиняющееся биоритмам поколений, совершается в виде регулярного обесценивания опыта старших

¹ Семейная книжка вручалась раньше супругам при бракосочетании; она содержала сведения о членах семьи, например о рождении детей, смерти и т. п. — *Примеч. пер.*

поколений и замены его новым опытом. Каждое следующее поколение противопоставляет себя предшествующему, стремясь на основе собственного опыта определить свои приоритеты и проекты. Устранение материальных реликтов основывается на все более ускоряющихся циклах серийного производства. Окружающая нас техника заменяется на протяжении нашей жизни несколько раз. Этот принцип замены и обновления служит конститутивным компонентом научно-технической революции и связанного с ней поведения потребителей. Форсированная смена поколений того или иного продукта и ускорение товарного производства является не естественной универсалией, а центральным элементом в культурной программе модернизации западных обществ. В этом смысле разрушение и забвение оказываются важным двигателем прогресса. Эту модернизационную динамику устаревания и обновления, инновации и архаизации точно описал американский философ Ральф Уолдо Эмерсон еще в середине XIX века на подъеме индустриальной революции: «Новая техника разрушает старую. Достаточно вспомнить о вложениях капитала в акведуки, которые заменила гидравлика, в крепости, изжившие себя из-за пороха, в дороги и каналы, ставшие ненужными из-за железных дорог, в паруса, замененные сначала паром, а затем электричеством»¹. Забвение было для Эмерсона не только движущей силой изобретений и обновлений, но и важной культурной стратегией. Ратуя за культурную инновативность и духовную самостоятельность, он говорил о «неотвратимости мусорной свалки, которую новизна творческой мысли предназначает для всего устаревшего»². Эмерсон имел в ту пору достаточно оснований для своей

¹ *Emerson R. W. Circles // Selected Writings / Gilman W. H. (Hg.) New York; London, 1965. P. 295–306, здесь — 296.*

² См. также: *Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge, 2009; Аксман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017. С. 136.*

программы. Во-первых, он писал ее в середине XIX века на подъеме индустриальной революции и массированного развития техники, благодаря которым изменялись жизненные миры; а во-вторых, он вел поиск новой идентичности, которую США сумели бы противопоставить культурной гегемонии Европы. В своих работах, которые читаются ныне как «культурная Декларация независимости» США, Эмерсон создал образ «старой» Европы, согнувшейся под бременем своих традиций и под грузом истории, которому «молодая нация» США противопоставляла многообещающее будущее. На этом культурно-политическом фоне Эмерсону выпала миссия проповедника эволюции, прогресса и модернизации, что сделало его страстным проповедником забвения. Для Ницше этот американский философ, сам именовавший себя неустанным искателем, который не имеет прошлого («an endless seeker with no past at my back»¹), стал образцом критического отношения к прошлому.

Подобная позиция обладала убедительной силой, пока будущее еще сулило неиссякаемый прогресс. Однако к концу XX века перед лицом осознания ограниченности природных ресурсов сформировалась новая ментальность — «рециклинг», — которая видела цель не в забвении и утилизации, а в переработке и вторичном использовании продукции, пригодной для длительного употребления и способной стать сырьем для новых продуктов. «Выбрасывание на свалку — это вчерашний день. Сегодняшний день — это ремонт, переделка, передача в другие руки», — такой плакат можно увидеть в витрине магазинчика, открывшегося в берлинском районе Кройцберг. Ресайклинг являет собой идею замедления процесса материального и культурного забвения, идею нового отношения к ценности старого в рамках нового экологического сознания, которое находит свое отражение и в произведениях

¹ Emerson R. W. Circles. P. 304.

искусства, где старое намеренно маркируется в качестве хорошо заметного элемента нового.

Границы автоматического забвения особенно ощутимы там, где мы имеем дело с травматическим прошлым. В качестве примера процитирую строки американского поэта, который написал в 1918 году стихотворение о полях больших сражений XVIII и XIX веков, написал от имени травы¹:

Сложите погибших под Ватерлоо и Аустерлицем.

Закопайте их, позвольте мне поработать.

Я — трава, я покрываю все.

Сложите гору из убитых у Геттисберга

И трупов Ипра и Вердена.

Закопайте их, теперь мой черед.

Два года, десять лет, и пассажиры спрашивают проводника:

«Что это за место?»

«Где мы сейчас проезжаем?»

Я — трава.

Не мешайте расти.

Воспринятая буквально «трава забвения» становится зримым образом неудержимого течения времени. Время может принести забвение, приглушить боль, исцеляет раны. Но стихотворение Карла Сэндберга проблематизирует обратное превращение истории в природу на полях былых сражений, ибо такое превращение свидетельствует, с одной стороны, о безразличии к неизмеримым страданиям людей, а с другой, о невозможности извлечь урок из исторического прошлого. Трава, растущая там, где ей заблагорассудится, наводит мысль читателя на целый ряд принципиальных вопросов. Ибо в отличие от травы у людей есть возможность выбора между памятованием и забвением, что обуславливает необходимость этических решений.

¹ Sandburg C. Grass // Modern American Poetry / Ed. by L. Untermeyer. New York, 1919. P. 205; Сэндберг К. Трава / Пер. И. Палий (<https://www.stihi.ru/2008/05/11/2223>). Смысл этого стихотворения можно сравнить с известной сентенцией Джорджа Сантаяны: «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь».

Об этом же говорит фрагмент из романа В. Г. Зебальда «Аустерлиц», где рассказчик размышляет о том, «как мало удается сохранить в памяти из всего того, что постоянно уходит в забвение с каждой загубленной жизнью, как мир сам опустошает себя тем, что истории, связанные с бесчисленным количеством разных мест и вещей, останутся никем не услышанными, не записанными и не рассказанными другим...»¹. На первый взгляд Зебальд описывает здесь обычный ход вещей. Забвение неудержимо, оно является нормой для культуры и общества. Но на второй взгляд обнаруживается, что описанное Зебальдом представляет собой кричащую моральную проблему. Ведь речь идет о памятных местах немецкой истории — бельгийском форте Брендок и чешском Терезиенштадте, которые были превращены нацистами в лагеря смерти. Все меняется, когда между нами и прошлым стоит не естественная смерть людей, а истязания и массовое уничтожение мирных граждан. Поэтому рассказчик, которому Зебальд придает автобиографические черты, отправляется на поиски «утраченного прошлого», чтобы прочитать следы, оставленные исторической травмой. Этот поиск направлен не против времени, уходящего и стирающего воспоминания, а против преступников, отрицающих, скрывающих свое прошлое, насаждающих забвение, которое шаг за шагом проясняется в романе, чтобы хотя бы еще несколько историй, связанных с бесчисленным количеством мест и вещей, были вновь обнаружены, выслушаны и рассказаны для других.

СБЕРЕГАЮЩЕЕ ЗАБВЕНИЕ — ВХОЖДЕНИЕ В АРХИВ

Допустим, нам невероятным образом удалось уберечь что-то от потока времени, несущего забвение. Коллекционеры и старьевщики специализируются на отсрочках. Они спасают

¹ *Sebald W. G. Austerlitz. München, 2001. S. 35.*

вещи от тлена, продлевая их век за счет включения в свои хранилища. Но настоящая возможность продлить век вещи появляется лишь тогда, когда эта вещь попадает под защиту тех институций, которым такую защиту поручают общество и государство: архивы, библиотеки или музеи.

Приведенная выше схема указывала на необходимость различать два аспекта культурной памяти. В письменных культурах происходит раздвоение между пассивной *накопительной памятью* и *активным памятованием*. Это приводит к институциональной дифференциации двух областей, которые я именую «каноном» и «архивом». *Канон* является функциональной памятью общества, которая должна осваиваться каждым поколением заново. Канон присваивает определенным артефактам, личностям или историческим событиям особую ценность и ориентирующую значимость для будущего. Канонизация сопряжена с высокими затратами, ибо требует усилий и взятых обязательств: мы не забудем этого, данные достижения, события, благодеяния и преступления не пройдут бесследно, а послужат прочной основой нашей культурной идентичности и надежными ориентирами на будущее. СМИ, политики, музеи и юбилеи вносят свой вклад в реактивацию коллективной памяти. Социальная группа формирует коллективную память, которая закрепляет коллективные представления о прошлом и дает ориентиры на будущее.

Накопительная память *архива*, напротив, включает в себя все те следы и реликты прошлого, которые не являются содержанием активной мемориальной культуры. Исторические архивы не старше Великой французской революции, они представляют собой важное достижение западных демократий. Содержимое этих архивов выходит далеко за пределы того, что актуально или значимо для коллективной идентичности. Одной из характеристик западных демократий служит то, что они могут позволить себе наличие таких институций, как университеты с гуманитарными факультетами, исторические

архивы и музеи. Например, швейцарский Земельный музей Цюриха, хранящий предметы повседневного быта, собрал не менее полутора сотен кроватей, образцов из нескольких веков. Документы, письма и рукописи хранятся в городских, региональных или национальных архивах, куда кроме посмертного творческого наследия теперь все чаще поступают прижизненные частные архивы писателей и художников. Такие коллекции, как и искусство вообще, не представляют собой непосредственной утилитарной пользы для общества. Но они являются материалом, питающим историческое любопытство, и служат, таким образом, самоопределению людей в истории. Библиотеки и архивы создают информационную базу первоисточников для работы писателей, художников и кинематографистов. Они выполняют важную задачу, обеспечивая предпосылки для того, чтобы в будущем говорили о настоящем, когда настоящее само сделается прошлым. Первоисточники, хранящиеся в архиве, должны, благодаря ученым и писателям, превратиться в знания и воспоминания. Материалы находятся в архиве культуры, имея статус латентности между «уже не» и «еще не». Они пребывают в зале ожидания истории, ибо ждут своего открытия, то есть находки, выбора, внимания, интерпретации, оценки, осмысления. Подобное сохранение артефактов и сведений, которые в настоящее время уже не подлежат активному использованию, я вслед за Ф. Г. Юнгером называю «сберегающим забвением»¹. Итак, немногочисленные вещи удастся спасти от реки забвения, и они находят прибежище под крышей учреждений, чьей задачей является сохранение. Возьмем в качестве примера Вильгельма фон Шольца (1874–1969), жившего в Констанце. После смерти судьба уберегла его от той участи, когда все оставшееся от человека отправляется в мусорный контейнер. Семейная вилла на живописном берегу Боденского озера сохранилась, даже вся мебель стоит на

¹ *Jünger F. G. Gedächtnis und Erinnerung. Frankfurt a. M., 1949. S. 16–17.*

прежнем месте. Его творческое наследие перекочевало в Национальный литературный архив, что находится в Марбахе, и в муниципальный архив города Констанц. Зенит славы этого литератора пришелся на 1924 год, когда Констанц торжественно отметил 50-летие Вильгельма фон Шольца: целую неделю на сцене городского театра шли его пьесы, проводились и другие юбилейные мероприятия. Город сделал юбиляру особый подарок, назвав короткую дорогу, ведущую к его вилле, именем писателя. Но в наши дни он оказался совершенно забытым. Хотя после войны состоялось еще несколько его чествований, Шольцу еще при жизни довелось почувствовать закат собственной славы и постепенное забвение.

Бестселлеры Шольца, большие тиражи книг и пьесы со множеством театральных постановок не стали лонгселлерами-долгожителями. Он не вошел в канон немецкой классики, хотя сам твердо рассчитывал на это. «Каждое произведение, — писал Шольц, имея в виду и собственные сочинения, — должно пройти через темную полосу невнимания, чтобы потом добиться долгого успеха»¹. Но по отношению к нему самому это правило не сработало. Он так и не вышел из темной полосы невнимания, окончательно исчезнув с радаров образовательных учреждений и из сферы интересов публики. Его творческое наследие не преодолело узких рамок селекции при формировании культурно-политического и образовательного канона, на который ориентируются учебные программы школ и университетов, его обошли вниманием вместе с большинством других авторов того поколения. И это тоже часть нормального хода литературной истории: лишь ничтожно малому числу людей удастся войти в пантеон великих деятелей культуры, чьи произведения канонизируются и несут на себе печать вечной ценности.

¹ Scholz W. von. Irrtum und Wahrheit. Neue Aphorismen. Bertelsmann, 1950. S. 74.

Хотя в глазах следующих поколений звезда писателя, несомненно, угасла, это еще вовсе не означает полного и окончательного забвения. Между активным воспоминанием и полным забвением существует промежуточное состояние «сберегающего забвения», которое я сравниваю с функцией архива. То же самое можно сказать о личности и литературном наследии Вильгельма фон Шольца. После того как в архиве обнаружилось его стихотворение, восхвалявшее Гитлера, и об этом стало известно городским властям, возник вопрос о возможных политических мерах активного забвения. Попытке ликвидировать импозантное надгробие на могиле писателя воспротивилась служба охраны памятников культуры. Вместо этого переименовали короткую дорогу, названную именем Шольца. Но одновременно городской театр заинтересовался его пьесой «Еврей из Констанца» (1905), также обнаруженной в городском архиве. Местная газета «Зюдкурир» от 10.3.2013 известила читателей: «Театр Констанца ставит трагедию Вильгельма фон Штольца „Еврей из Констанца“, найденную в архиве». Книга с полным текстом пьесы так давно исчезла из продажи, что ее единственный экземпляр отыскан лишь в университетской библиотеке. Инсценировка Штефана Оттени, фрагменты которой можно увидеть в интернете, попала в полусотню лучших постановок 2013 года. Беттина Шульте отметила в газете «Бадише Цайтунг» (12.6.2013) «не только сценичность, но и актуальность пьесы». По ее словам, режиссер, актеры и художник спектакля «великолепно справились с задачей возрождения пьесы к новой жизни», что, однако, «не реабилитирует ее автора».

Динамика культурной памяти базируется на взаимообмене между обоими институтами — канон и архивом. Архивные материалы находятся как бы в чистилище между адом забвения и раем памятования. Они существуют в состоянии латентности, ожидания, межвременья; они ждут специалистов, журналистов, писателей, которые занимаются поиском, делают

находки и превращают эти находки в достояние общественности. Это происходит за счет попадания находки в новый контекст, который нагружает ее новым смыслом. Не только писатели, художники, но и гуманитарные науки в целом занимаются актуализацией архивных материалов. Они являются работниками на винограднике культурной памяти; их общественная миссия заключается в пробуждении к новой жизни мнимо мертвых источников посредством постановки новых вопросов и доказательства того, что источник способен дать на них важные ответы.

Как известно, Ницше резко полемизировал против стремительного разрастания хранилищ исторического знания, усматривая в них опасное бремя для общества и отдельной личности. Но каждая культура располагает определенными возможностями сортировки и ориентирами, которые позволяют отделить существенное от несущественного. То, что не находит себе места в каноне, еще имеет шанс попасть в архив, однако и там периодически происходит так называемая «кассация» (от латинского *cassare* — уничтожать, отменять). Статья в немецкой Википедии об использовании этого термина в архивном деле говорит, что кассация «является ответственной задачей архива, ибо документ, однажды подвергшийся кассации, исчезает навсегда. Это означает, что ошибочные решения непоправимы».

Современное информационное общество справляется с избытком данных не столько посредством их уничтожения, сколько в силу постоянного увеличения мощности запоминающих устройств, в чем легко может убедиться любой обладатель цифровых гаджетов, компьютера, планшета или смартфона. Другой стратегией борьбы с избытком информации служит использование поисковых систем и алгоритмов, которые структурируют информацию и осуществляют поиск. Проблеме ориентации в лавине новой информации и новых знаний можно решить только с помощью критериев, позволяющих

отделять существенное от несущественного. В западных демократиях граждане призваны самостоятельно вырабатывать для себя такие критерии.

СЕЛЕКТИВНОЕ ЗАБВЕНИЕ — ФОКУСИРОВКА И ЗНАЧЕНИЕ РАМОК ПАМЯТИ

В цифровую эпоху с ее созданием все более миниатюрных чипов объем памяти на технических носителях ежегодно удваивается, а вот наш мозг вынужден по-прежнему ограничиваться ресурсами своей биологической инфраструктуры. Поэтому необходимо различать между хранением информации и памятованием. *Хранить* информацию, то есть запоминать, заучивать наизусть, пользоваться мнемотехникой, может и человек, но все же выполнение этих функций предназначается техническим устройствам. А вот *помнить* и *вспоминать* способен только человек. При переработке информации и при ее закреплении в нашей памяти мы сталкиваемся с принципиальной проблемой нехватки места. Забвение, как это показано на барочной эмблеме с узкогорлым сосудом, свидетельствует об этой нехватке и о том, что решить данную проблему можно с помощью искусства мнемотехники, расширяющей способности памяти. Но саму эмблему можно истолковать и в противоположном смысле, а именно как похвалу забвению. Тогда эмблема будет означать: забвение — благотворно, ибо оно избавляет от излишней информации. Память действительно крайне нуждается в фильтре забвения, который отбирает из множества импульсов, поступающих в мозг по каналам рецепторного аппарата, лишь очень немногие импульсы, создавая тем самым предпосылки для оценки перспективности, значимости и идентичности, а следовательно, и для памятования. Максиму античной мнемотехники «наибольшая часть утрачивается» можно понимать в качестве указания не только на дефицит или бедствие, но и на благо. Еще Френсис Бэкон

нашел удачный образ для селективной динамики памяти: «Тот, кто ставит свечу в угол, затемняет остальное помещение»¹.

Забвение с его особыми формами (невнимание, пренебрежение, игнорирование) является имманентной составной частью памятования; пробелы, оставляемые забвением, имеют конститутивный характер для организации памяти. Поэтому продуцирование незнания, потерь и забвения стало ныне новым полем научных исследований под названием агнотология. На незнание больше нельзя положиться; в эпоху «больших данных» (*Big Data*) незнание приходится специально продуцировать, сохранять и заново изучать в качестве культурно-политического механизма селекции².

Таким образом, возникает принципиальный вопрос об экономике памяти и ее селективных критериях. Как, где и кем они устанавливаются? Что и в каких случаях подлежит включению или исключению? Ницше интересовался этим вопросом с когнитивной и моральной точек зрения. В первом случае речь, по его мнению, идет о том, чтобы память контролировалась волей. «Веселость, спокойная совесть, радостная деятельность, доверие к грядущему — все это зависит как у отдельного человека, так и у народа от того, существует ли для него линия, которая отделяет доступное зрению и светлое от непроницаемого для света и темного»³. Такую способность Ницше приписывал сильному мужскому уму. В том же духе высказывался Бергсон: «Человек действия отличается своей способностью вызывать нужные воспоминания тем, что он воздвигает в собственном сознании барьер, который защищает

¹ Bacon F. The Advancement of Learning and New Atlantis. London, 1974. P. 33.

² R. N. Proctor und L. Schiebinger (Hg.). Agnotology. The Making and Unmaking of Ignorance. Palo Alto, 2008. Альбрехт Кошорке занимался аналогичными исследованиями в университете Констанц, см.: Journal der Universität Konstanz «UniKon». 2012. № 45.

³ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 163–164.

его от массы бессвязных воспоминаний»¹. Когнитивная психология и нейрология говорят сегодня об *executive function* (исполнительной функции). Под этим подразумевается способность сознания, отключая внимание от нерелевантных ассоциаций, фокусировать его исключительно на релевантной информации или событии².

Но Ницше напомнил нам также о том, что когнитивный и моральный аспекты порой сложно отделить друг от друга, так как человеку присуща сильная потребность в гармонии между памятью и положительной самооценкой. Он запечатлел это в афоризме: «„Я это сделал“, — говорит моя память. „Я не мог этого сделать“, — говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает»³.

Когда необходимо сохранить собственное лицо, на помощь гордости приходит забвение. Ницше мог бы заимствовать свою мысль из концепции памяти как механизма вытеснения. Однако он этого не сделал, ибо в отличие от Фрейда положительно относился к забвению. Он считал забвение необходимым, поскольку оно придает мужество и решительность деятельному человеку.

Для Ницше, как и для Ханны Арендт, тема активной деятельности тесно связана с вопросом забвения. Для Арендт активная деятельность невозможна без забвения, однако она иначе определяла рамочные условия, нежели Ницше. Арендт не имела в виду личность, которая совершает решительный поступок, не жалея других и не учитывая последствий своего поступка; напротив, она имела в виду человека, которого занимает проблема непредсказуемости последствий каждого

¹ *Bergson H. Matière et mémoire. Paris, 1896. P. 166.*

² *Norman D.A., Shallice T. Attention to Action: Willed and Automatic Control of Behavior // Cognitive neuroscience: A Reader / Hg. M.S. Gazzaniga. Oxford, 2000.*

³ *Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 291.*

своего шага. Непреложный закон, что всякое деяние необратимо, а его последствия непоправимы, означает для Арндт, что этот закон может быть лишен силы только прощением и забвением, которые даруются человеку окружающими его людьми. В тот момент, когда я пишу эти строки в купе скорого поезда, я краем уха слышу историю из некоего офиса, где один сотрудник допустил серьезную оплошность. Реакция собеседника была такова: «Этот тип до конца жизни не сумеет загладить свою вину». Вероятно, подобную ситуацию подразумевала Арндт, когда писала: «Не будь у нас надежды на прощение и отпущение вины за содеянное, вся наша способность к действию оказалась бы парализована единственным проступком, от которого мы уже никогда не смогли бы оправиться; мы бы навсегда остались жертвой его последствий, подобно ученику чародея, забывшему волшебное слово, снимающее заклятье»¹. Активная деятельность возможна в социальном контексте лишь тогда, когда ответственность человека ограничена и существует надежда, что негативные последствия, сопряженные с совершенным деянием, будут прощены и забыты.

Ницше постоянно чествуется в качестве первого теоретика позитивного забвения. Однако защитники забвения существовали и до него. Ранее уже упоминался Ральф Уолдо Эмерсон, американский философ, которым восхищался Ницше². Другим его предшественником был Монтень. Подобно тому как Ницше высмеивал антиквара, беспорядочно собирающего фрагменты прошлого без всякого внимания к критериям отбора и значимости артефактов, Мишель де Монтень критиковал педанта, демонстрируя на этом примере порочность безудержного всезнания: «Голова, забитая всякой всячиной, не становится остроумнее и живее <...> Наряду с растением,

¹ *Arndt X. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб., 2000. С. 314.

² *Friedl H. Emerson und Nietzsche: 1862–1874 // Religion and Philosophy in America* / P. Freese (Hg.). Bd. I. Essen, 1987. P. 61–182.

поливаемым слишком часто, или лампой, которая гаснет из-за избытка масла, ум тоже страдает от чересчур усердной учебы»¹.

Вслед за Ницше французский социолог Морис Хальбвакс поставил на новую основу вопрос о критериях отбора для памяти, введя в изучение памяти понятие «социальные рамки». Под ними подразумевался принцип отбора, который диктуется индивидууму социальной группой². По мнению Хальбвакса, то, что запоминается или не запоминается, зависит от действующих правил коммуникации в социальной группе, к которой принадлежит индивидуум. Социальные рамки определяют как отношения между индивидуумом и обществом, так и динамику взаимосвязи между памятованием и забвением. Эти рамки не допускают памятования о большом количестве вещей и событий, которые тем самым не получают социального признания. Пол Коннертон говорит в этом контексте о «паттернах»: «Многие мелкие акты забвения, обуславливающие длительное забвение, происходят не случайно, а под воздействием определенных паттернов»³. Памятования не существуют россыпью или кучей, они рассортированы. Они сортируются посредством оппозиции присоединяемые/неприсоединяемые внутри кластеров и паттернов. Пока для истории и событий нет рамок памяти, они остаются неслышанными. Им не уделяют внимания и не придают значения, поэтому они исчезают незамеченными и не вызвавшими интереса. Такой была судьба многих людей, переживших Холокост и тщетно пытавшихся в пятидесятых и шестидесятых годах привлечь к себе внимание европейской общественности.

¹ *Montaigne M. de. Von der Pedanterey // Montaigne M. de. Essays I, 24. Zürich, 1992. S. 213–237.*

² *Halbwachs M. Das Gedächtnis und seine sozialen Rahmen (1925). Frankfurt a. M., 1992.*

³ *Connerton P. Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59–71, здесь — 63.*

Только через изменение рамок памяти общество может воспринять отторгавшееся раньше воспоминание. То же самое относится к смене научных парадигм, которые также можно считать разновидностью организованного забвения. Карл Шлёгел так описал логику забвения, обусловленного сменой научной парадигмы: «Когда подходит срок, интерпретативная монополия завершается; она переживает эрозию, ликвидируется, и ее место занимает другая, в которой не остается ни следа от прежних споров и даже целых сражений. Одна глава заканчивается, другая начинается»¹.

Категория «рамок памяти» позволяет лучше понять вопросы мемориальной политики. Здесь мы можем установить связь между Хальбваксом и Ницше, ибо национальная память обычно подчиняется чувству гордости и воспоминаниям о собственных страданиях, а вот своя вина редко получает доступ в национальную память. Мемориальная культура, сформированная гражданским обществом и базирующаяся на правах человека, обрела с девяностых годов новые транснациональные рамки памяти в виде «политики покаяния», что впервые сделало возможным публичное признание государством собственной вины и включение в национальную память своих преступлений. В этих рамках западные страны берут на себя ответственность за совершенные исторические преступления, интегрируя в национальный нарратив точку зрения жертв.

КАРАЮЩЕЕ (DAMNATIO MEMORIAE) И РЕПРЕССИВНОЕ ЗАБВЕНИЕ

Damnatio memoriae — это форма карающего забвения путем символического уничтожения противника, подвергнутого опале. «Человек жив, пока произносится его имя»². Эта

¹ *Schlögel K.* Im Raume lesen wir die Zeit: Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München, 2003. S. 60.

² *Assmann J.* Tod und Jenseits im Alten Ägypten. München, 2001. S. 54.

древнеегипетская пословица справедлива до сих пор. Поэтому забвение, стирание имени, *damnatio memoriae* считается тяжелым наказанием. Такое наказание разит человека до самых глубин его личности, которая тем самым отрицается и уничтожается. Тот, чье имя вычеркивается из анналов или соскабливается с каменных монументов, символически обрекается на вторичную смерть. Но эта форма забвения содержит в себе перформативное противоречие, на которое указывает Умберто Эко, так как она вызывает повышенный интерес к человеку, который должен стать вообще недоступным для восприятия окружающими.

Если *исторические* архивы, являясь составным элементом открытой демократической культуры, создают возможность «сберегающего хранения», то *политические* архивы принципиально засекречены и служат важным инструментом упрочения власти. Диктатуры не признают прозрачности, поэтому политические архивы не открывают историкам свои документы, которые остаются недоступными для общественности даже по истечении срока секретности. Пока архивы закрыты, невозможно провести расследование исторических преступлений (например, армянского геноцида). При этом жертвы насилия оказываются лишенными права на собственную историю и память.

Тема репрессивного забвения и тотального контроля над прошлым отражена Джорджем Оруэллом в его знаменитом романе «1984» на основе непосредственного знакомства автора с современными диктаторскими режимами. Оруэлл подробно показывает, как посредством репрессивного и разрушительного забвения совершается фальсификация истории ради апологетики власти. Оруэлл исследует насильственные формы забвения, призванные легитимизировать и упрочить существующую власть. Для этого используются пропаганда, промывание мозгов, преследование инакомыслия, а также уничтожение или фальсификация исторического наследия. Эта параноидальная стратегия должна обеспечить единство

прошлого с настоящим и воспрепятствовать тому, чтобы прошлое воспринималось в его автономии, способной своими фактами разоблачить ложь правящего режима. О том, насколько четко это функционирует, говорит Уинстон: «Ты понимаешь, что прошлое, начиная со вчерашнего дня, фактически отменено? Если оно где и уцелело, то только в материальных предметах, никак не привязанных к словам, — вроде этой стекляшки. <...> Документы все до одного уничтожены или подделаны, все книги исправлены, картины переписаны, статуи, улицы и здания переименованы, все даты изменены¹. И этот процесс не прерывается ни на один день, ни на минуту. История остановилась. Нет ничего, кроме нескончаемого настоящего, где партия всегда права»².

Роман Оруэлла является великолепным исследованием забвения во всех его аспектах — психологическом, коммуникативном, социальном, политическом и культурном. Знаменитый партийный лозунг гласит: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»³. Но одновременно Оруэлл показывает, насколько огромные усилия требуются, чтобы достичь политической цели репрессивного забвения за счет постоянного переписывания истории ради ее однозначного толкования и пропагандистской конъюнктуры. В качестве манипулятивной стратегии упрочения власти используются отрицание реальных фактов, фальсификация, ложь и обман (в том числе систематическое переписывание документов и ретуширование фотографий).

Еще одним историческим примером *damnatio memoriae* служит сожжение книг, которое происходило в мае 1933 года

¹ Так, на советской фотографии, где Сталин изображен с руководителем НКВД Николаем Ежовым, одним из организаторов «Большого террора» 1937–1938 годов, Ежов был заретуширован после того, как попал в немилость.

² *Оруэлл Дж.* 1984 / Пер. В. Голышева. М., 2016.

³ Там же.

во многих немецких городах, где нацистская диктатура осуществляла преследование евреев и противников режима. Сожжение книг на площадях и в непосредственной близости от университетов или публичных библиотек было не только актом физического истребления; нежелательные авторы подвергались скорее символической опале, уничтожались сами имена этих людей. Их забвение продолжалось столько, сколько просуществовала власть, узаконившая его. По окончании Второй мировой войны состоялась переоценка списка сожженных книг, которые теперь вошли в основной фонд немецких публичных библиотек. Опальные авторы сделались почитаемыми.

Репрессивное забвение может реализовываться менее драматично и более эффективно посредством «структурного насилия», под которым подразумеваются скрытые формы цензуры вроде ограничения доступа к общественным и культурным ресурсам. В патриархальных обществах женщины лишены доступа к печатным изданиям или этот доступ значительно затруднен, что практически означает и невозможность посещения архивов и библиотек. «Мужчины располагают большой привилегией рассказывать свою историю. Воспитание позволяет им лучше развить в себе такую способность; их руки владеют пером»¹. Эта прозорливая сентенция содержится не в одном из эссе Вирджинии Вулф, написанном в двадцатых годах прошлого века, а уже в 1817 году в романе «Доводы рассудка» Джейн Остин. Нечто подобное можно сказать о других социальных группах, дискриминируемых в социальном, религиозном или расовом отношении. «Структурное насилие» обеспечивает такое положение дел, когда одни голоса слышны, а другие нет. Целые этносы, вроде коренного населения Австралии или США, считаются «не имеющими истории» лишь потому, что они не могут предъявить письменных свидетельств, документов и архивов. Своего рода иконой постколониального

¹ *Austen J. Persuasion. Oxford, 2008. Bd. 2, Kapitel 11.*

дискурса стал текст Гаятри Чакраворти Спивак «Могут ли угнетенные говорить?»¹. Она убедительно демонстрирует, что определенные члены общества оказываются лишенными собственного голоса. В этом случае, чтобы молчание было нарушено и забытое вновь заговорило, должны измениться не только рамки памяти, но и властные отношения.

ОХРАНИТЕЛЬНОЕ И СОВИНОВНОЕ ЗАБВЕНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРЕСТУПНИКОВ

Когда преступникам становится ясно, что их власть близка к своему крушению, то они принимают меры по сокрытию и маскировке собственных злодеяний, чтобы избежать возмездия. Высокопоставленные нацисты меняли после 1945 года имена и идентичности, стирая тем самым свою вину за то, что совершали в прежние годы. Пока преступники остаются у власти, та защищает их; когда их лишают власти, они делают ставку на забвение. Лихорадочно заметая следы, преступники стремятся избавиться от исторических свидетельств собственных злодеяний, чтобы уклониться от судебного преследования и ответственности. Например, в Южной Африке режим апартеида накануне демократического переворота в 1990 году тоннами уничтожал архивные материалы, которые могли бы фигурировать в качестве доказательств на будущих судебных процессах².

¹ *Spivak G. Ch.* Can the Subaltern Speak? Postkolonialität und subaltern Artikulation. Wien, 2007.

² В конце 1989 г. Министерство внутренних дел ГДР (Штази) уничтожило большое количество архивных документов, чтобы скрыть следы преступлений. Бумажная «лапша», оставшаяся от этих документов, занимала около 16 тысяч мешков. С помощью новой компьютерной программы, разработанной Бертрамом Николаи, руководителем Отдела техники безопасности при Институте Фраунгофера ИРК, удалось восстановить часть этих документов. Теперь из различных стран мира в институт поступают запросы на использование новых технических возможностей для восстановления документов, оставшихся от преступных тоталитарных режимов.